

А. Вельтман

Картины света

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Вельтман**
Картины света: Часть 1 / А. Вельтман – М.: Книга по Требованию, 2019. – 240 с.

ISBN 978-5-458-24148-9

В этом альманахе вы найдете самые разнообразные любопытные факты, практически обо всем на свете. Здесь не будет холодных и безжизненных описаний, которыми часто грешат подобные публикации. «Картины света» для читателя это легкая прогулка на свежем воздухе, посреди всего интересного в природе, не вызывающая усталости.

ISBN 978-5-458-24148-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КАРТИНЫ СВѢТА.

МОСКВА.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Москва, святыня Русскаго народа, наша божица! Тебѣ первый поклонъ. Была Русь въ Новгородѣ, была Русь въ Кіевѣ, но выросла Русь и возмужала въ Москвѣ; про *Москалей*, про *Московъ* заговорили съ боязнью на Востоку, Югѣ и Западѣ.

Москва! . . . бѣлокаменная скала, обѣ копорую разбилися при вала, грозившіе попопши Европу! при вала: власшь Азіи, власшь Инквизиціи и власшь Меча. Русь, Московія, опшояла Сѣверъ и Западъ опъ побѣдѣ Монгольскихъ. Трехъ-коронный, Папскій Римъ, пягопшѣль надъ всей Европой, хопшѣль бышь главой и судьей міра; кровавая Инквизиція, какъ хищный звѣрь, плодилась по подзельямъ Италіи и Испаніи, Франціи и Англіи, Германіи и Польши; но безъ новыхъ силъ власшь Папы слабѣла. Хипрый Климентъ VIII появля, гдѣ эти силы; для него не досташочно было Польши: онъ учреждаетъ Клементинскій Соборъ для обращенія Славянъ въ Капюлическую вѣру; онъ посылаетъ Епископовъ своихъ въ Москву; онъ

пользуется убіеніемъ Царевича Димитрія и общимъ негодованіемъ на Правшителя Бориса Годунова, и, въ день разрѣшенія грѣховъ бѣднаго Генриха IV, въ Римѣ, въ числѣ опрекающихъ опъ исповѣданія Лютера и Религій Греческой, являюпся и *Русские*, — трудно ли догадаться, кто эти Русские? Воспшанникъ Папы не медлитъ явиться подъ пменемъ Царевича Димитрія. . . . Русскій народъ не выдумалъ бы подобнаго замысла! Но Москва свергла самозванца, Русь спасла свою душу опъ грѣха измѣнишь религій, и пшѣло свое опъ иноземной головы. А еслѣбъ Москва не успояла противъ соблазна? . . . Русь была бы меченосцемъ Климентя, а шіара Папская святыней земнаго шара.

Явился мечъ побѣдоносець, двадцати народамъ снесъ онъ головы; но въ пожарѣ Москвы перегорѣло желѣзо, согнулось опъ удара въ щипъ Русскій, и Европа опяшь спасена — спасена Москалями.

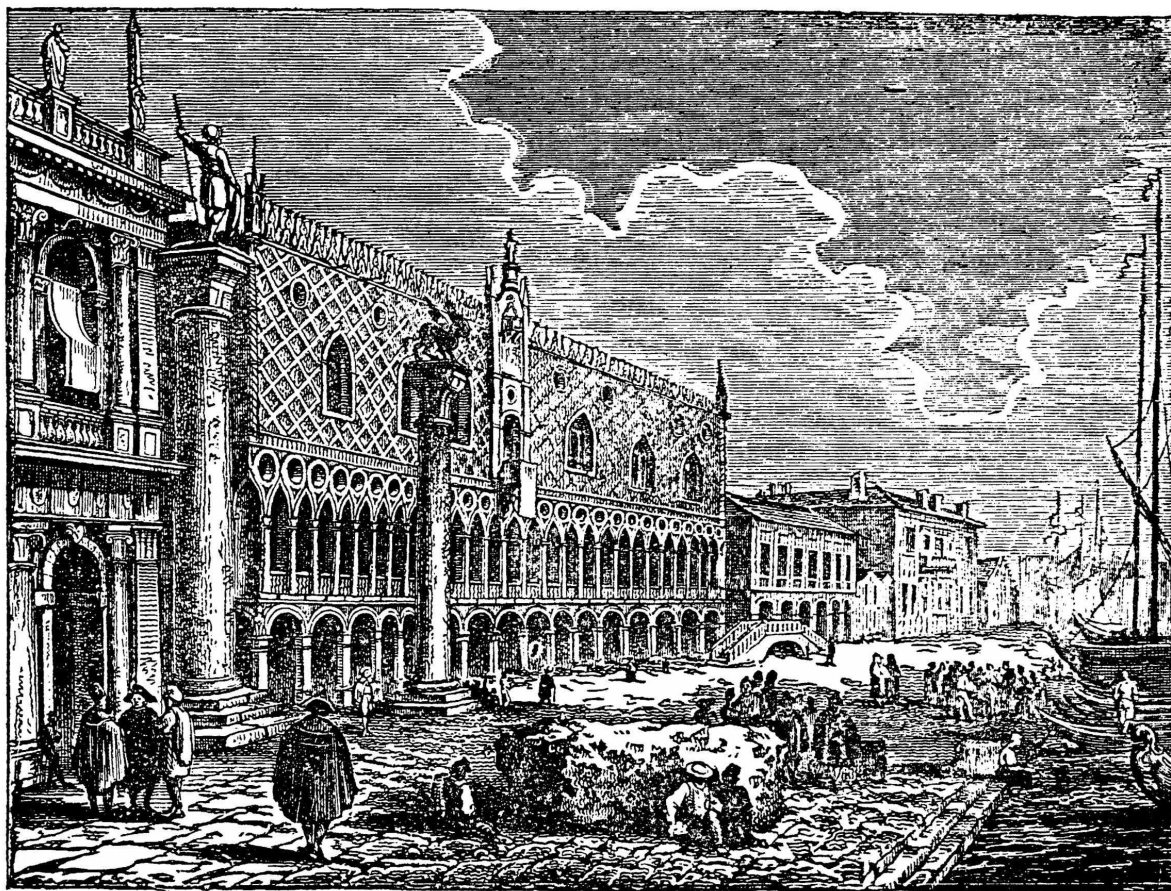
Чей это портретъ? спросите вы. Я буду вамъ отвѣчать: это портретъ Повѣреннаго въ дѣлахъ между Англiей и Испанiей; это портретъ Секретаря Верховнаго Совѣта при Дворѣ Его Капюлическаго Величества, Короля Испанiи, Филиппа IV; портретъ счастливаго производителя переговоровъ между Его Капюлическимъ Величествомъ и Карломъ I, Королемъ Англiи, къ возстановленiю мира; это портретъ, котораго Карлъ I, въ знакъ благоволенiя своего, возвелъ въ званiе Кавалера Англiи, опоясалъ въ присушствiи всего Парламента собственнымъ мечемъ, въ чей гербъ внесъ изображенiе льва, и на котораго надѣлъ орденскiй шарфъ, съ бриллиантовыми украшениями; это Камер-

геръ Филиппа IV, и Секретарь Государственнаго Совѣта, въ Нидерландахъ; это портретъ, котораго скупой Король Португалiи приглашалъ къ себѣ въ гости въ *villa-viciosa*, предлагая 60 червонцевъ на проѣздъ, но который благородно и гордо отказался отъ щедрости Королевской, и показывая на обилшную въ золото свою свиту, отвѣчалъ: »въ моемъ кошелкѣ есть около 1000 червонцевъ, которыхъ достапочно мнѣ на проѣздъ и на содержанiе этихъ людей.» Это портретъ, который былъ женатъ на Еленѣ Форменъ, блистательной красавицѣ своего времени; это портретъ, которому алхимистъ предлагалъ купить тайну философскаго камня, и который отвѣчалъ ему:» другъ, поздно при-

шелъ съ предложеніемъ! двадцать уже лѣтъ владѣю я этой пайкой: вотъ мой философскій камень! — и показалъ онъ алхимику палицу, на которой распираютъ краски; на палицѣ лежала палица и кисти. Чей же это портретъ? спросите вы опять. — Это портретъ живописца, учителя Ван-Дика, Діонен-

бека, Вильденса, Шнейдерса, Ван-Моля, Ван-Тулдена, Якова Юрденса, Еразма Квеллинуса, Жерара Сегерса... Это портретъ Сочинителя книгъ «о искусствѣ Живописи» и «о Итальянской Архитектурѣ.» Это портретъ Рубенса.

ВЕНЕЦІЯ.

«Я въ Венеціи! — говоришь Лордъ Бейронъ, — я на мосту вздоховъ *. По обѣ стороны дворцы и шурмы. Весь городъ кажется всплылъ изъ воды по маховенію волшебнаго жезла. — Тысячи лѣтъ ширяютъ

свои мрачныя крылья надъ мною; умирающая слава бросаетъ слабый лучъ на ошдаленныя времена, когда столько странъ, униженно-покорныхъ Венеціи, дивились ея мраморамъ и грозному ея Льву, когда эта Адриатическая Царица давала законы безчисленнымъ, подвластнымъ ей островамъ.»

* Одинъ только разъ въ жизни проходили чрезъ этотъ мостъ.

» Она какъ Цибела морей, появлялась въ опдаленіи, вѣнчанная *градомъ*, и величественно повелѣвала волнами и божествами Окееана. . . . Венеція, соборъ радостей, храмъ удовольствій Италіи и всей земли! »

Въ началѣ 5-го столѣтія, а можешь быть и гораздо прежде, сообщество 72-хъ острововъ въ Адриатическомъ заливѣ, составило опдѣльную власть. Столицей этого Царства моряковъ, была городъ Венеція, а правитель Дожъ (Воевода), избираемый по жизни, изъ благородныхъ фамилій, вписанныхъ въ *золотую книгу*.

Марсъ былъ покровителемъ Венеціи въ язычествѣ; Св. Маркъ въ Христіанствѣ. — Нѣтъ сомнѣнія, что первые основатели Венеціи есть Венеты, Ваны или Финікіяне, и названіе города *Opus Excelsi* — зданіе Божіе, сходственно съ названіемъ *Asgardъ* — градъ Божій, обыкновенное проименованіе спольныхъ городовъ.

Мраморные дворцы посреди водъ, безчисленныя гондолы, носящіяся по каналамъ, очаровательная красота женщинъ — подъ покрываломъ, пансионная наружность мужчинъ подъ долгополой шляпой и плащомъ . . . все пшпашетъ воображеніе и переноситъ въ чудный міръ, — все въ этомъ городѣ выходитъ изъ общаго порядка вещей; въ немъ кажется и природа и люди стговорились, чтообъ не походить ни въ чемъ на другую природу, на другихъ людей.

Венеція лежитъ на 72-хъ островахъ, въ разстояніи 5-ти миль отъ твердой земли; каналы между этими островами составляютъ улицы; прочный главный каналъ широкъ и пшпашетъ чрезъ весь городъ, прочіе каналы узки и вода въ нихъ спючая. Дома построены на свалхъ; съ одной стороны выходъ въ переулокъ, съ другой на воду.

Прекрасная площадь Святаго Марка, есть почти единственное мѣсто прогулки по твердой землѣ. Она обнесена величественными зданіями: главное изъ нихъ Правительственный дворецъ Дожа (изображенный здѣсь) и храмъ Св. Марка.

Нѣкогда Венеція была спрашной для другихъ народовъ Республикой. Въ 7-мъ столѣтіи она имѣла войско и флотъ, и усиливаясь болѣе и болѣе, она принимала участие въ дѣлахъ Европейскихъ, приобрешала славу на моряхъ, и особенно велико было участие ея въ Крестовыхъ походахъ.

Правленіе ея составляли Дожъ и Верховный Совѣтъ, собиравшійся по Воскресеньямъ во дворецъ; этотъ Совѣтъ состоялъ изъ 200 членовъ, въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ, и изъ 800 въ засѣданіяхъ чрезвычайныхъ.

Избраннаго въ Дожи, торжественно несли вокругъ площади Св. Марка; вступая въ Piazza, на ступеняхъ *лѣстницы гигантовъ*, Дожъ принималъ корону изъ рукъ Старшинъ, которые при этомъ случаѣ говорили ему рѣчь и предувѣдомляли, что по смерти, шѣло его будетъ выспавлено на судъ народа, на возмездіе за обиды, и если наследники не удовлетворяютъ обиженныхъ или припѣсенныхъ имъ, то онъ лишится обряднаго погребенія.

Въ 14-мъ столѣтіи, въ Венеціи основалось тайное судилище, составленное изъ 10-ти Старшинъ разныхъ фамилій. Его права были неограниченны, безопвѣтны и не было на него прощеша. Этотъ-то *Совѣтъ десяти* воспановлялъ порядокъ кровавымъ ужасомъ, и совершалъ свои неумолимые приговоры посреди мертваго молчанія и тайны. Казня преступленія, по проискамъ и доносамъ, онъ самъ становился какъ преступникъ часъ отъ часу подозрительнѣе;

забота объ общественной безопасности превратилась въ заботу о собственной; число преступниковъ государственныхъ множилось, росло въ глазахъ его. Одного судилища спало недоспапочно; для скорѣйшаго рѣшенія дѣлъ и таинственнаго преслѣдованія подозрѣваемыхъ, устанавленъ новый судъ, *Трибуналъ Инквизиторовъ*; въ немъ за сѣдали двое членовъ *изъ десяти*, и одинъ изъ совѣтниковъ *Дожа*. Первые двое назывались *Черными Инквизиторами*, — прешій назывался *Краснымъ Инквизиторомъ*. Знали, что это страшное судилище существуетъ, но никто не зналъ, гдѣ оно; ибо власть его была повсемѣстная, а мѣспонребываніе *вездѣ и нигдѣ*. Не подписанный никѣмъ приговоръ появлялся въ народѣ, и, это уже было знакомъ, что казнь надъ приговореннымъ совершена. Казалось, что весь народъ обратился въ лазупчиковъ, доносили другъ на друга; *черныя души* были разсыяны повсюду, они какъ демоны-соблазнительницы принимали на себя всѣ образы: участія, родства, дружбы—и даже любви, любви спростной, нѣжной, попечительной.

Не было другаго закона, кромѣ единоушія *Инквизиторовъ* въ приговорахъ. Обвиненіе, наказанія, зависѣли отъ ихъ *благой воли*; обвиняемый не зналъ своихъ доносчиковъ: мѣдныя львиныя челюсти, устроенныя на главномъ крыльцѣ дворца, съ рычаніемъ разверзались и глотали письменные доносы.

По эпимъ-по доносамъ, жертвы схватывались тайно, и адскія пытки вынуждали ихъ клеветать на самихъ себя, или, изувѣченными возвращаться въ темницы, копорыхъ были два рода: *темницы свинцовыя*, подъ кровлею дворца, гдѣ разгорячаемыя солнцемъ свинцовыя плиты обращали эти норы въ раскаленныя каменки, и — *темницы коло-*

дезныя, въ сжрадныхъ, гнилыхъ подземельяхъ, подъ каналами, куда ни день, ни щеплопа не проникали.

О дѣятельности Венеціанской Полиціи можно судить по двумъ слѣдующимъ происшествіямъ.

Герцогъ Краона, во время пребыванія своего въ Венеціи, былъ обкраденъ на значительную сумму денегъ; огорченный эпимъ, онъ произнесъ нѣсколько словъ въ упрекъ Венеціанской Полиціи, которая, по его словамъ, заболплась о томъ, чтобы окружать иностранцевъ шпионами, а не заболплась о безопасности ихъ. Черезъ нѣсколько дней, онъ уѣхалъ; на половинѣ пути отъ Венеціи къ твердой землѣ, вдругъ его гондола останоилась.

На вопросъ о причинѣ остановки, гондоліеры отвѣчали ему, что они не смѣютъ грестки; ибо шлюбка, подъ краснымъ флагомъ, которая видна вдаль, подала знакъ имъ спать на мѣспѣ. Знаменитый путешественникъ припоминаетъ произнесенныя имъ слова, припоминаетъ и всѣ ужасные рассказы про полицію Венеціанскую, считающую уже себя поглубшимъ посреди лагуны *, безъ помощи и свидѣтелей. Съ ужасомъ смотрипъ онъ на приближеніе краснаго знамя. Шлюпка подплываетъ къ гондолѣ, и человекъ въ маскѣ повелительно приказываетъ ему переіпши въ шлюпку. Положась на волю Божью, Герцогъ исполняетъ шребованіе. — Вы ли Герцогъ Краона? говоритъ человекъ въ маскѣ. — Такъ точно. — Вы были обкрадены въ прошедшую Пяпницу? — Такъ точно. — На какую сумму? — На 500 червонцевъ. — Въ чемъ были червонцы? — Въ зеленомъ кошелькѣ. — Не подозрѣваете ли вы кого ипбудь въ покражѣ? — Наемнаго служителя. — Узнаете ли вы его? — Безъ сомнѣнія.

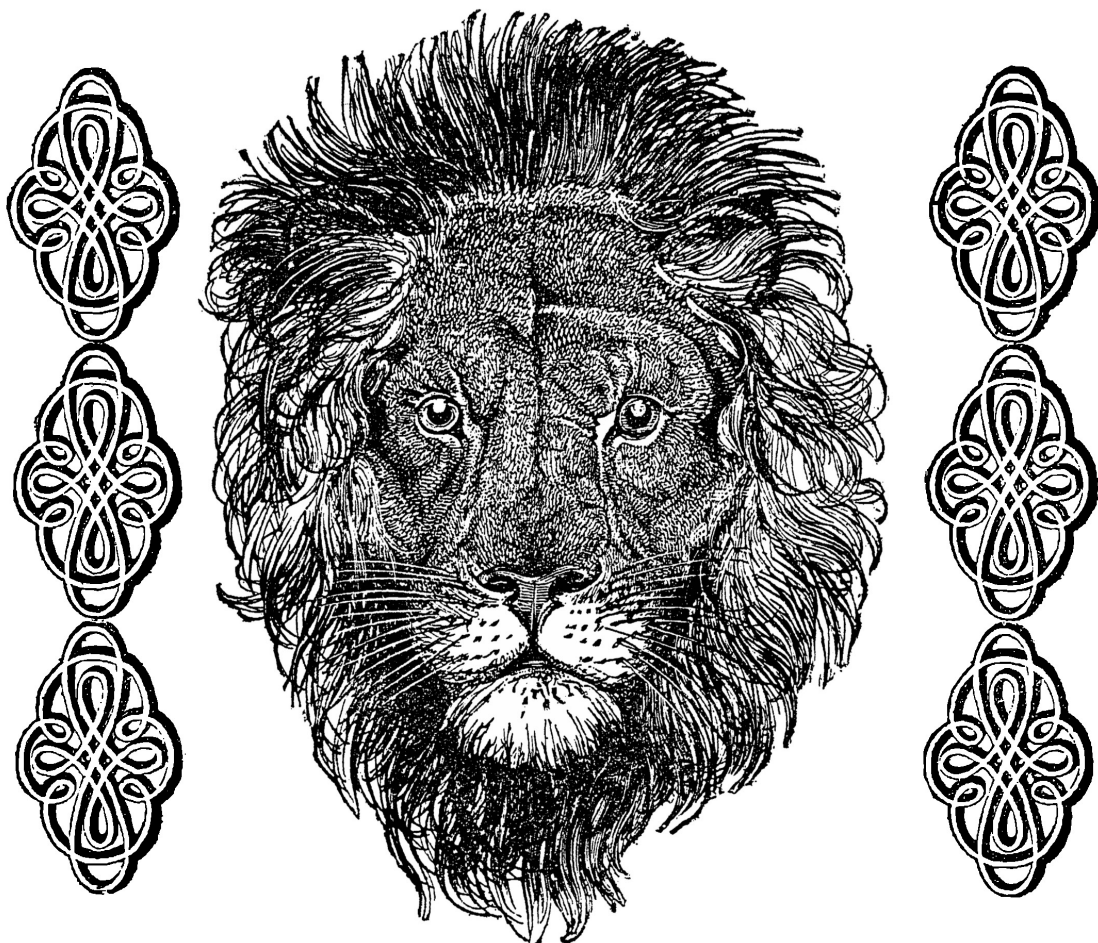
* Пространство воды между островами и твердой землей.

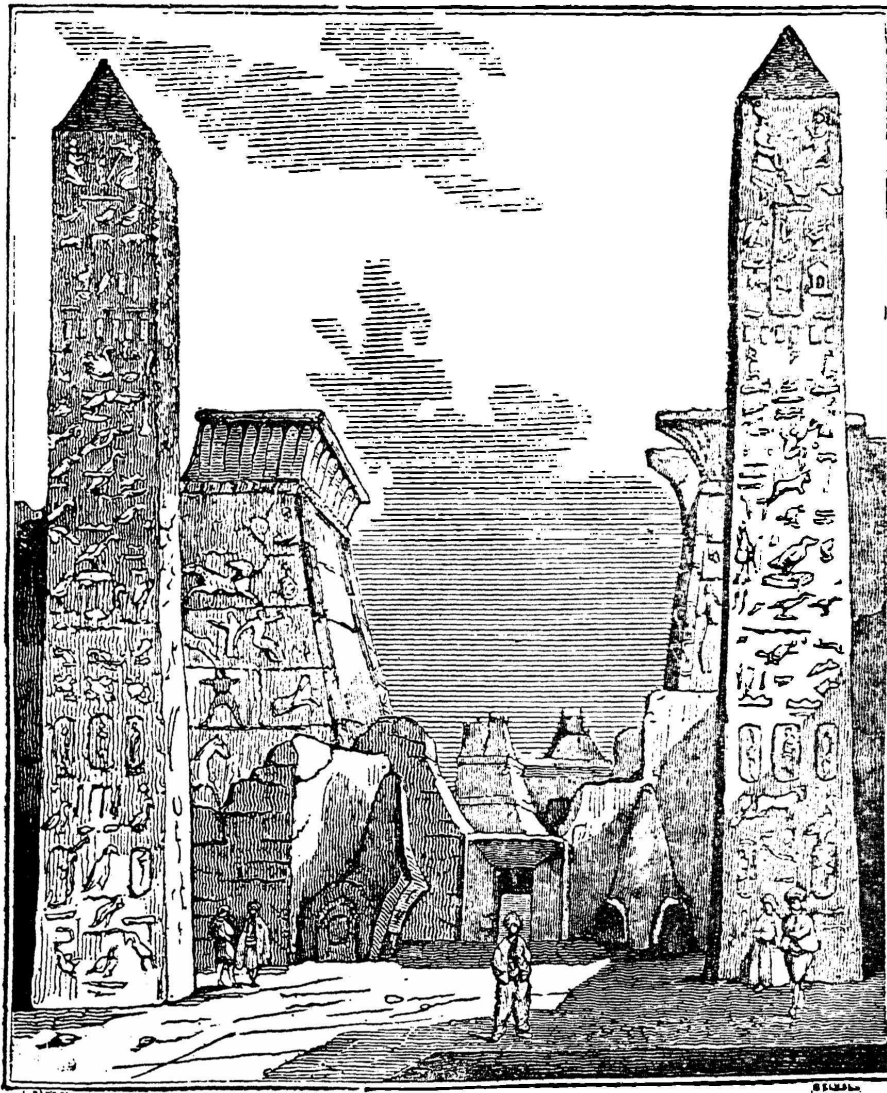
Человѣкъ въ маскѣ опбрасываетъ ногою плащъ, и, Герцогъ видящъ лежащаго мертваго человѣка съ зеленымъ кошелькомъ въ рукахъ. »Правосудіе совершено«—продолжаетъ человѣкъ въ маскѣ, грозно, »вошь, государь мой, ваши деньги, возьмите ихъ, поѣзжайте, но помните, что не кладутъ ноги уже на ту землю, гдѣ опознались въ мудрости Правительсва.«

Достоверный писатель рассказываетъ другое происшествіе. Одинъ Женевскій живописецъ работая въ церкви, завелъ споръ съ двумя путешественниками Французами, которые дозволили себѣ поносить Правительсво. На упрое онъ былъ призванъ Инквизиторами, и его спросили: узнаешь ли

онъ въ лицо шѣхъ, съ которыми спорилъ вчера? Съ испугомъ отвѣчалъ онъ: *узнаю, и клялся, что всѣ его слова относились къ чести Правительсва.* Занавѣсъ опдернулась, и онъ увидѣлъ двухъ удавленныхъ: это были шѣ самые Французы. Почти полумертваго опъ ужаса его оппустили, съ замѣчаніемъ, что опъ впредь не смѣлъ говорить про Правительсво ни худаго, ни добраго. »Намъ не нужны твои похвалы« сказали ему Инквизиторы: *»хвалить насъ, значитъ быть нашимъ судьей.«*

Венеція опжила, опспрадала; это уже пруть прекрасной дѣвы Венеціи; извержено знамя Св. Марка, дворцы опустѣли, но шюрьмы полны по прежнему.

ЛУКСОРСКІЕ ОБЕЛИСКИ.

Тщельно спали бы мы разгадывать памятственное величіе Египта. Тамъ каждая развалина кажется зданіемъ золотого вѣка, когда на землѣ царили сыны боговъ, потомки Ора (Урана); не человѣческія руки сносили эти опесавныя скалы одна на другую, и воздвигали пирамиды и обелиски; не простой рѣзецъ шрудился надъ колоссами Сезосприса

(Сезос-ра) и Рамсе-Мейамуна, и надъ чудными дѣвами - львицами; не людскіе персты черпнули гіероглифы (Hierogiffel - божьи письма), которые тщельно умъ силится разгадать. Спуйвай въ Іерусалимъ, кто хочеть воиспину благоговѣнно помолиться Богу, — и въ Египетъ, кто хочеть воиспину вѣрши въ прошедшее, и видѣть окаменѣвшее время, основы вѣковъ допотопныхъ.

И сколько уже вѣковъ расхищаетъ новый міръ останки древняго міра; пыслчи пуше-

щеспвенниковъ несупъ и везупъ съ собою въ опчизну, подъ кровь хижины, священнй опколокъ какой нибудь спашуи, или плипы, на которой сохранилось нѣсколько таинспвенныхъ начертаній; сколько владыкъ и побѣдипелей забопятся украсипъ сполницы свои развалинами Мемфиса, Оивъ, Карнака; сколько огня и мечей прошло чрезъ эту спрану солнца — и, начиная съ Ассиріянъ, Вавилонянъ, Персовъ, Грековъ, Римлянъ — до Англичанъ и Французовъ, могильные аншкваріи не разнесли еще всѣхъ памяшниковъ съ этого священнаго кладбища!

На прилагаемомъ изображеніи вы видипте Лукзорскіе обелиски; по одного изъ нихъ уже нѣтъ; громада въ 500,000 ливровъ вѣсу, вывезена изъ Египта Французами, предназначена украсипъ площадь Парижскую.

Память о вывозѣ этого обелиска можепъ погибнуть, — письма гіероглифическія со временемъ могутъ бытъ объяснены, — и какъ обманепся попомспво, когда оно прочпепъ:

»Рамсесъ, могущій, другъ испины, владыко верха и низа земли, чело пальмъ и побѣдъ, благо спраны сей и всѣхъ спранъ чужеземныхъ. . . .

Рамсесъ, Царь, свѣпшло справедливоспи, возженное Аммономъ — не совершилъ зла.

Рамсесъ, сынъ солнца — не произносилъ словъ нечестивыхъ.

Рамсесъ, свѣпъ умиритель — не упивался.

Рамсесъ, лучъ солнца — не бездѣльствовалъ.

Царь, свѣпшло міра — не похищаль даровъ посвященныхъ божествамъ.

Рамсесъ, сынъ солнца — не произносилъ лжи.

Рамсесъ . . . не прелободѣйствовалъ.

Рамсесъ . . . не осквернялъ себя.

Рамсесъ . . . не отклонялъ слуха отъ словъ правды.

Рамсесъ . . . не многословилъ бесполезно.

Царь, сынъ солнца. . . не былъ пожирателъ раскаяніемъ.»

Вопъ, гдѣ лежипъ прахъ Рамсеса! скажетъ попомспво.

Но, если кпо желаетъ видѣть розовый Египетскій гранипъ, и совершенспво рѣзца Египетскаго, попъ посмопри на *Сфинксавъ*, которыми украсена набережная Невы, проптивъ Академіи Художеспвъ. На лицѣ дѣвльвицъ нѣтъ морщинки, погда какъ имъ опъ роду слишкомъ по 3 пысячи лѣтъ. И время и люди берегупъ все испинно прекрасное.

Наука есть поспребность и спрудъ разума;
Искусство — поспребность и спрудъ чувспвъ.

Наука — есть правило;
Искусство — упоспребленіе его.

Первая мысль, объ опспустспвующихъ :
Богъ знаетъ, какъ они живупъ, щаспливы-ли?

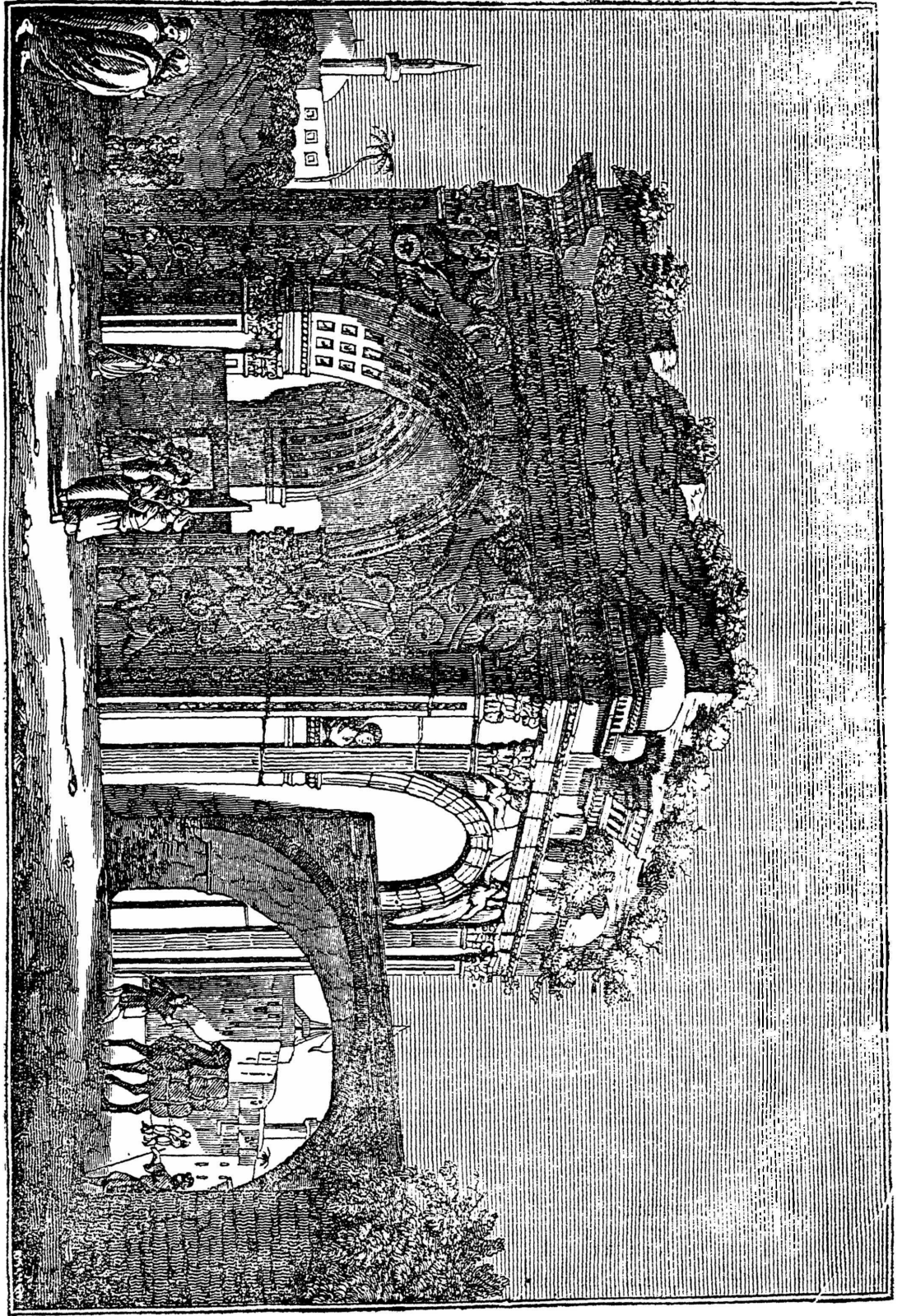
Вторая мысль, о зависящихъ опъ насъ :
имъ нужно довольспвіе и спокойспвіе.

Третья мысль, о самомъ себѣ: духъ чистъ,
сердце смиренно, спрудъ, и — Провидѣніе не оставипъ.

Ванъ-бо-хэу, Кипайскій ученый, говоритъ:
Люди раждаюпся на свѣпъ
Собспвенно съ доброй природой.
По природѣ взаимно близки,
По навыкамъ взаимно удаляюпся.

(Санъ-цзы-цзинъ, или спреловіе).

ГЛУБОКАЯ ПОРОГА ВЪ ГРЕЦКОМЪ.

ТРИУМФАЛЬНЫЕ ВОРОТА ВЪ ТРИПОЛѢ.

—

Римляне повсюду оставили слѣды своего прошедшаго величія и владычества. Въ Африкѣ, могущество Карфагена наследовали Пирамы Алжира и Туниса; послѣ Карфагена, этого *царя морей*, не осталось даже развалинъ, въ которыхъ скрывался Марій опгъ преслѣдованій Силлы; а путь честполюбиваго Рима, уставленный памятниками побѣдъ, еще по сіе время раскинутъ какъ геодезическая сѣть по земному шару. Близъ Александріи, спомниъ вѣха Помпея во 116 футовъ вышины; въ Булгаріи, въ Панноніи, въ Молдавіи, въ Бессарабіи, видны слѣды цѣли, копорую плянули плѣнники, когда Траянъ измѣрялъ побѣдами Дацію. Триумфальныя ворота, какъ копцы, разбросаны повсюду, куда шолько долетали Римскіе орлы. — При въѣздѣ въ узкія улицы Триполя, по сіе время сохранились мраморныя триумфальныя врата, копорыхъ барельефы напоминають бытность въ этихъ мѣстахъ народа дѣлательнаго и побѣдопоснаго. Построеніе ихъ приписываютъ Марку Аврелію. Турки и Мавры равнодушно проходятъ мимо ихъ: имъ не нуженъ мраморъ на строеніе своихъ Ханэ, и шолько это одно берегають до сихъ поръ величественныя останки. Основаніе ихъ завалено наноснымъ пескомъ, а Папа не заботился ни очистить, ни разрушить этоиъ памятникъ, копорый, какъ олицетворенный упрекъ настоящему времени, спомниъ гордо передъ жильями настоящихъ обладателей прекрасной страны.

ТРИУМФЪ.

Триумфъ есть радостная дань всеобщаго уваженія къ совершившему великаго подвига.

По какому-то невольному чувству люди приходятъ въ восторгъ, когда видяшь на землѣ человека, копорого великія дѣла дають имъ право считать его земнымъ божествомъ, вѣнчаютъ славой, сооружаютъ ему храмы. Это чувство мы видимъ и у дикарей, и потому излишнимъ бы было изслѣдовать, когда триумфъ имѣлъ свое начало.

Триумфы Римскихъ побѣдителей превосходятъ всю возможность пышности и великолѣпія.

Возьмемъ въ примѣръ торжественное шествіе Павла Эмілія въ Капитолію. Три дня плянулся поѣздъ. Въ первый день везли колесницы съ санями и карпинами, взятыми въ покоренныхъ городахъ; на другой день несли богатѣйшія оружія Македонскія, за копорыми слѣдовали присла человекъ съ 700-ми вазами наполненными монетами; каждая ваза вѣсомъ при паланпа. Потомъ несли драгоценныя утвари и сосуды. На третій день, едва взошло солнце, священный хоръ двинулся къ Капитолію; за нимъ юноши, вооруженные золотыми секирами, вели 120 бѣлыхъ жерпвенныхъ быковъ, съ позолоченными рогами и украшенныхъ *вязями* цвѣтовъ. Потомъ несли 77 вазъ съ золотомъ, въ при паланпа вѣсомъ, и золотую чашу, осыпанную драгоценными камнями, вѣсомъ въ 10 паланповъ, копорую Павелъ Эмілій посвятилъ въ даръ богамъ. Потомъ несли золотыя вазы Персея, Анпитона и Селевка, передъ колесницею Персея, на копорой лежала его діадема и оружіе. За этой колесницей шли дѣти несчастнаго Персея; а потомъ и самъ онъ облаченный въ черную одежду; его окружали родные и ближніе, оплакивающіе его неволю. Потомъ несли 400 золотыхъ вѣнцовъ, копорыми города Греціи почтили Павла Эмілія за его добродѣте-